Конст. ДЕРЖАВИН

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ „АЛЕКСАНДРИНКИ"

„Красная газета" 5/XI 32 г.

Столетний юбилей б. Александринского театра отмечается советской общественностью, как крупное событие в общественно-политической и культурной жизни страны.

Ниже печатаемый отрывок из статьи К. Державина «ФЕВРАЛЬ И ОКТЯБРЬ В ТЕАТРЕ», полностью опубликованный в юбилейном сборнике «100 лет» — интереснейший исторический документ — относится к тому времени, когда цепко хватаясь за свое прошлое, отживал старый императорский Александринский театр и на его месте зарождался новый советский театральный организм.

Этим отрывком редакция начинает серию очерков не только о прошлом театра, но и о его настоящем. Столетний юбилей б. Александринского театра, совпадающий во времени с приближением 15-й годовщины Октября, дает возможность оглянуться на пройденный путь и ответить на вопрос о том, как реализованы те задачи, которые были поставлены в области театра рабочим классом после Октября и каковые достижения советского театра — в частности одного из наиболее передовых театров, каким является ленинградский театр государны за 15 лет его послеоктябрьского существования.

Приближались Октябрьские дни. Накануне их на Александринской сцене прошла премьера «Смерть Тарелкина» Сухово-Кобылина. Вечером 25 октября петроградский буржуазный обыватель мирно смотрел трогательную мелодраму Щепкиной-Куперник «Флавия Тессина», в то время как «Аврора» наводила свои орудия на Зимний дворец и высаживала на гранитную невскую набережную отряды кронштадтских матросов.

Утром временного правительства и представлявшей им буржуазной власти уже не существовало. Петроград стал советским городом. На улицах пестрели расклеенные по стенам приказы и воззвания Военно-революционного комитета.

Александринский театр с «Флавией Тессини» вошел в новую, необычайную революционную эпоху и, прежде всего, столкнулся с новым хозяином и новым администратором — театральной комиссией Петросовета, который назначил комиссаром по охране государственных и частных театров режиссера Малого театра М. Н. Муравьева.

Александринский театр, так легко свыкшийся с режиссером временного правительства, сразу же столкнулся и столкнулся враждебно с представителем новой власти. Особое возмущение значительной части труппы вызвало выпущенное последним воззвание, в котором содержались следующие неприличные строки:

«Принял на себя в тяжелые дни, переживаемые государством, ответственность за сохранение государственных и частных театров, предлагаю всем находящимся на службе в государственных театрах и конторе, как занимающим ответственные посты, так и артистам и артистам труппы и служебному персоналу, оставаться на своих местах, дабы не разрушать деятельности театров. Всякое уклонение от выполнения своих обязанностей будет считаться противодействием новой власти и повлечет за собой заслуженную кару».

На бурном общем собрании 28 октября значительное большинство говоривших, из которых кое-кто впоследствии оказался в рядах белой эмиграции, выступило с резким протестом против этого письма и предложило прекратить спектакли в виде демонстрации против «незаконной» захватнической» власти.

Единичные голоса, призывавшие к выполнению своих профессиональных обязанностей и к необходимости, если не сотрудничества, то известной лойяльности по отношению к новой власти, не могли, конечно, помешать принятию следующей примечательной резолюции:

«Артисты Александринского театра, собранные управляющим труппой по инициативе труппы артистов на общее собрание, заслушали бумагу, присланную из Революционного комитета за подписью г. Муравьева, и постановили:

1. Признавая власть временного правительства в лице комиссара Ф. А. Головина и главноуполномоченного Ф. Д. Батюшкова, не могут считаться с предписаниями самозванных комитетов, не признанных всей Россией — поэтому возвращают предписание последнему.

2. Протестуя против присылки самого предписания и угроз, изложенных в нем времени, не прекращают работы».

Саботаж начался. Эсеровская газета «Дело народа» с видимой готовностью и удовольствием опубликовала эту резолюцию.

28 октября спектакли в Александринском театре, как и в других государственных театрах, прекратились, но уже 5 ноября общее собрание работников их, состоявшееся в Мариинском театре, постановило набрать по отношению к новой власти политику не саботажа, а бойкота.

2 декабря нарком по просвещению А. В. Луначарский препроводил кадетскому «главноуполномоченному» циркуляр, в котором, указывая на необходимость установления контакта между Наркомпросом и театрами, а также на высокую оценку, которую рабоче-крестьянское правительство дает государственным театрам, как учреждениям огромного культурно-просветительного масштаба, отметил:

«Мне известно, что совершенно беспомощные для театров чиновники до сих пор безраздельно там господствуют, путем нелепых запугиваний стараются добиться от артистов государственных театров, хора, оркестра и технического персонала, политических демонстраций против рабоче-крестьянского правительства, призывают их к забастовкам и т. д. Я предупреждаю, что контора и весь бюрократический персонал управления театрами, как органы чисто правительственные и не имеющие ничего общего с этими театрами, как культурными учреждениями, будут на-днях самым решительным образом реформированы».

Ответ на это письмо был дан не Батюшковым, решившим видимо, занять удобную наблюдательную позицию, а актерской «общественностью», во главе с труппой Александринского театра, которая печатно заявила, что она категорически отстраняется от каких бы то ни было переговоров с «представителями политических партий, главенствующих без полномочия верховной власти, всенародно признанной, и что театр как учреждение художественное, сознательно отстраняет себя от политической борьбы и оберегает свои автономные права.

10 декабря Батюшков получил новое письмо тов. Луначарского.

«Мне известно, — писал тов. Луначарский, — что жизнь театра нарушена острыми разногласиями среди тружеников государственной сцены. В то время, как один, исходя из интересов дела, которому они служат, стоя на чисто профессиональной точке зрения, идут навстречу желанию рабочего и крестьянского правительства — урегулировать отношения демократии и театра в республике, — другие оказываются жертвой контрреволюционной политики и озлобленной агитации, не останавливающейся перед обманами, запугиваниями и посулами. Прошу вас немедленно пожаловать ко мне в министерство для объяснений по поводу этого факта. Предупреждаю вас, что в случае отказа от такого объяснения, в понедельник 12 декабря, вы будете немедленно уволены».

На это письмо Батюшков дал типичный кадетско-дипломатический ответ:

«Вам угодно было прибегать к угрозе немедленного увольнения, если я не приду на ваш зов. Я не привык подчиняться угрозам; поэтому я не мог прийти. Никаких острых разногласий среди тружеников сцены нет. Наоборот, артисты и большинство служащих при государственных театрах движимы чувствами полной солидарности и «стаиванием независимости искусства от политических партий, и в признании автономного управления художественных коллективов».

Как это и полагается опытному политику буржуазного стиля, и как это в описываемую нами эпоху делали все опытные и неопытные буржуазные политики не только в театральных делах, Батюшков с известной долей ловкости пытался отстоять свою контрреволюционную линию, прикрываясь спинами художественного и технического коллектива гостеатров. С другой стороны Наркомпрос совершенно правильно учел, что его главным и настоящим врагом в данный момент является, конечно, не труппа Александринского и любого другого театра, а наиболее цепкий и упрямый пережиток старого порядка — управление гостеатрами, театральная контора, в которой окопались и отписывались пустыми бумажками зубры еще похуже, чем «почтенный» историки западной литературы Ф. Д. Батюшков.

Через несколько дней Батюшков был отстранен от дел, и тов. Луначарский обратился к театрам со следующим письмом:

«Мы не требуем от вас никаких присяг, никаких заявлений в преданности и повиновении. Вы — свободные граждане, свободные художники, и никто не посягает на вашу свободу. Но в стране есть теперь новый хозяин — трудовой народ. Трудовой народ не может поддерживать государственные театры, если у него не будет уверенности в том, что они существуют не для развлечения бар, а для удовлетворения великой культурной нужды трудового населения. Поэтому демократия должна сговориться с артистами. Этот сговор в высшей степени возможен».

Ясная и точная формулировка вопроса несколько разрыхлила почву в среде актерского коллектива гостеатров.

Мариинский театр в этом отношении оказался, в известном смысле, исключением и первый рискнул встретиться с наркомом, выслушав его обстоятельный доклад о перспективах советского театрального строительства и закончив эту встречу аплодисментами и овацией.

В это время революционные элементы александринской труппы, видя неизбежность поражения конторы, решили играть ва-банк. Один за другим следует ряд агрессивных выпадов, направленных к срыву возможного соглашения Наркомпроса со здравомыслящими элементами труппы. Ставится даже вопрос о переходе театра в частные руки и об очищении занимаемого им здания. Но исполнению этого, по договору с группой спекулянтов, открываются филиальные спектакли в помещении пустующего «Аквариума», носящие явно халтурный и по достоинству оцененный зрителем характер. Между тем, Наркомпрос, замочив некоторые слишки в настроениях части труппы и правильно оценивая весь вред, приносимый усугублению революционных нормальных отношений с театром, театральной дирекцией, приходит к решению ликвидировать это гнездо театральной контрреволюции. 2 января 1918 г. помещение конторы было занято группой сотрудников Наркомпроса во главе, с особо назначенным комиссаром Бырыловым, который и произвел решительную чистку всего аппарата управления театрами.

Этот выпад, как и следовало ожидать, заставил реакционную часть труппы, во главе которой встал Е. П. Карпов, мобилизовать все свои силы и попытаться дать последний и решительный бой.

В воздухе пахнуло идеи политической забастовки, прекращение спектаклей, окончательного переселения в «Аквариум» и т. д. Этот же выпад консолидировал в «советскую» часть коллектива, т. е. ту небольшую группу актеров, которые считали необходимым скорейшую ликвидацию антисоветского бойкота и установления лойяльных, по крайней мере, отношений с новой властью. В противовес вышеуказанной первой группой революции о забастовке, вторая группа организовала временный комитет, поставивший своей целью взять театр в свои руки.

Переворот удалось провести очень быстро и из особенно болезненно. Е. П. Карпов, до тех пор фактически поддерживавший батюшковскую политику, попал в оттавку, а новому александринскому руководству удалось вступить в контакт с представителями советской власти.

Таким образом, совершился самый решительный и крутой поворот в истории Александринского театра, который являлся отражением шинного процесса перехода к советскому «попутничеству» известной части трудовой интеллигенции, осознавшей лежащий перед ней исторический путь.